

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякое совпадение случайно и непреднамеренно.

...В самый разгар афганской войны потери среди личного состава и боевой техники 40-й армии резко увеличились. Участились нападения на автомобильные колонны. Выходящие в рейды боевые подразделения попадали в заранее подготовленные засады или встречали мощное сопротивление моджахедов там, где такового по планам штабов быть не могло. Снизилась эффективность действий подразделений специального и особого назначений. Душманы словно знали, где, когда, какими силами и с какой целью будут работать наши спецназовцы. И те в лучшем случае находили районы выполнения задачи свободными от бандитов, в худшем — вынужденно вступали в неравный бой, обреченные на гибель. Все это говорило о том, что главарям моджахедов с помощью иностранных, в основном американских, инструкторов все же удалось создать неплохо функционирующую разведывательную агентурную сеть, поставляющую в Пакистан весьма ценную и достоверную информацию, используя которую душманы смогли усилить свои позиции в войне. Советское военное руководство немедленно отреагировало на изменение общей обстановки в Афганистане и провело ряд широкомасштабных мероприятий по исправлению ситуации. Удалось сделать многое. Но не все из того, что требовалось. Да и практически невозможно было перекрыть все каналы доставки разведывательной информации в логово главарей афганских моджахедов, обосновавшихся в Пакистане. Что позволило противнику, пусть менее активно и не столь эффективно, но продолжать организовывать и проводить боевые акции

против войск 40-й армии. Изменили душманы и тактику своих действий. Под различными предложениями, а чаще с помощью провокаций и запугивания мирного населения они уводили в горы простых дехкан, сколачивая из них новые банды. Караваны из Пакистана доставляли в Афганистан все необходимое для ведения непрерывной партизанской войны с «неверными» — оружие и боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Перебрасывались из сопредельного с Афганистаном исламского государства и крупные партии наркотиков. В основном для распространения их среди советских военнослужащих. На перехват караванов и уничтожение лагерей моджахедов, как и прежде, привлекались силы спецназа. И не только армейского. Но, как и прежде, эффективность применения отрядов и групп спецназа, дислоцировавшихся на территории Афганистана, не достигала нужного уровня. Противник успевал скрыться или уклониться от ударов советских спецов. Очевидно, что духи внимательно отслеживали все перемещения особо опасных для них подразделений. Проблему же надо было снимать как можно быстрее, дабы не позволить моджахедам изменить обстановку. И тогда военное руководство принимает решение о создании групп специального назначения на территории Советского Союза. Из числа офицеров и прапорщиков, проходящих службу в соединениях и частях Краснознаменного ТуркВО, с подготовкой в учебных центрах округа и дальнейшим точечным использованием против моджахедов в Афганистане с территории Союза. И первые же боевые выходы секретных подразделений в полной мере оправдали правильность принятого командованием решения. Группы наносили удары внезапно, молниеносно и, выполнив задачу, словно растворялись, чтобы вновь проявить себя там, где духи их не ждали. Спустя короткое время секретные подразделения специального назначения стали ощутимой головной болью для главарей афганских моджахедов. Они просчитали, что эти подразделения действуют с территории Союза, но информации по их планам не имели. Контрразведка позаботилась о перекрытии каналов возможной утечки

ВОИН

столь важной информации. Да что говорить о душманах, если даже в войсковых частях, в штате которых состояли офицеры, привлекаемые к диверсионным мероприятиям, никто, кроме командира части, не знал об этом. Просто иногда офицер-диверсант убывал в служебную командировку, что не являлось чем-то необычным и широко практиковалось в армии. А вот куда он убывал на самом деле, в это был посвящен весьма ограниченный круг лиц, обеспечивающих работу секретных подразделений...

ВОИН

ЧАСТЬ I

Глава 1

Военный городок в семи километрах от туркменского поселка Кара-Тепе. Суббота, 9 июня. Парково-хозяйственный день в отдельном ремонтно-восстановительном батальоне N-ской мотострелковой дивизии закончился командой замполита части капитана Павлова на общее построение. Роты выстроились перед боксом длительного хранения новых машин из состава передвижной авторемонтной мастерской ПАРМ-3М. Павлов произнес короткую речь, и подразделения двинулись к открытым воротам контрольно-технического пункта и далее по аллее к плацу, зажатом с трех сторон одноэтажными казармами батальона. Роту по ремонту автомобильной техники вел командир взвода прапорщик Андрей Леонидов, молодой человек, недавно прибывший в часть после окончания школы прапорщиков. Ротный, капитан Смагин, которому по возрасту и выслуге лет следовало быть как минимум начальником техслужбы полка, с заместителем, 25-летним старшим лейтенантом Тимохиным, задержались в парке. Капитан опечатал пункт технического обслуживания и ремонта машин, засунул алюминиевую печать в карман летнего танкового, песчаного цвета комбинезона. Взглянул на заместителя:

— Ну что, Шурик, расслабимся? Заслужили!

Старший лейтенант согласно кивнул:

— Можно! Вот только спирт сейчас тяжело пойдет. Жарко.

На улице действительно было 32 градуса, хотя дальше будет хуже, когда термометр начнет зашкаливать за 45 в тени.

ВОИН

И солнце будет палить нещадно, и на небе до глубокой осени не увидишь ни облачка.

Ротный спросил:

— Я предложил пить спирт?

Заместитель посмотрел на командира:

— Так за водкой придется в поселок ехать!

Приказом начальника гарнизона, в состав которого кроме рембата входили мотострелковый и танковый полки, а также отдельный медико-санитарный батальон, командира танкового полка полковника Крапивина, продажа спиртного на территории военного городка была запрещена.

— Хотя, — предложил старший лейтенант, — у меня тачка на ходу, можем и в Кара-Тепе слетать. Заодно затариться пойлом и под вечер отдыха. На сегодня в клубе дискотеку назначили. Когда за сигаретами в магазин ходил, объявление видел. Начало в 20-00.

— Дискотека, говоришь? Это хорошо! А вот кто у нас сегодня с вечера и до утра завтра ответственный по роте?

Тимохин знал, что именно он должен заступить на это дополнительное, не нормируемое никакими уставами дежурство, узаконенное приказом того же неугомонного Крапивина с целью обеспечения круглосуточного контроля за солдатами срочной службы во всех ротах батальонов и полков гарнизона. Ответил:

— Да пошел бы он к черту, этот танковый полкан! Тоже мне служака. Без году неделя в гарнизоне, а уже и спиртное убрал, раньше его в Доме офицеров и магазинах завались было, и каких-то ответственных напридумывал. Хочет выслужиться до лампасов, пусть выслуживается, гнется перед вышестоящим командованием, у себя в полку порядки лагерные наводит, но мы-то, офицеры других частей, при чем?

— Так приказ, Шура, на все части распространяется!

— И как же вся эта мутотень и показуха надоели. Уж до чего в Венгрии дисциплиной душили, но по делу. И безо всяких выдрепонов. Что надо, то и делали. Да и марку перед

мадьярами держать нужно было. А здесь? Задрипанный, богом забытый гарнизон в песках и в пятистах верстах от Ашхабада, единственного приличного города в этой песчаной тундре, а понтов больше, чем в боевой части. А меня, Серега, от этой показухи блевать, как с глубокого перепоя, тянет.

Капитан положил руку на плечо заместителя:

— Ну-ну! Чего разошелся, Саня?

— Разойдешься тут! Этот танкист лучше скважины бурил бы, чем шляться по гарнизону да на мозги всем капать по делу и без дела. А то в частный сектор воду водовозами возят. Ладно, у кого жена, дома затарит емкости, а мне как быть? Эта водовозка по городку мечется, когда я на службе. В итоге ни душа принять, ни комбез постирать. На арык приходится ходить. Это порядок?

Капитан опустил руку, достал пачку «Ростова», указал на курилку с торца казармы:

— Пойдем покурим!

Обосновавшись в курилке, закурили. Смагин сказал:

— Ты, Сань, не обижайся, но если можешь, ответь на вопрос.

Заместитель взглянул на командира:

— Чего ты кружева вдруг плести начал? «Не обижайся, если можешь»? Спрашивай, чего хотел спросить?

— Ты вроде как женат, так?

— Вот ты о чем! Вроде женат! А точнее, официально женат, отметка в удостоверении личности имеется, и что?

— Мы с тобой здесь два года почти, а твоя благоверная ни разу не приезжала в гарнизон. У вас что, любовь по-французски? Каждый живет в свое удовольствие?

— Нет у нас никакой любви. Ни по-французски, ни по-гондурасски. И семьи нет. В Венгрии что-то подобное было, здесь нет. Осталась только запись в удостоверении.

— А чего не разводитесь?

— Разведемся! Вот поеду в отпуск и решу семейные дела.

— Почему раньше не решал?

ВОИН

Старший лейтенант отбросил окурок:

— Да чего ты привязался? Хрен его знает, почему не решал. Руки не доходили. Останавливался я у матери, да и то на пару суток, потом к деду, в деревню. Из деревни — в лес, на озеро. Там и банька, и домик. В хате самогон. Не сивуха какая, а первач. Пока отопьешься, отпаришься, отойдешь, за карасем сплавашь пару раз, отпуску и конец. Но на этот раз разделаюсь с Алевтиной Дмитриевной, супругой своей.

— Если опять к деду не свалишь!

Тимохин вздохнул:

— Теперь не сваю. Умер он. Зимой.

— Извини.

— За что, Серега? Ты-то при чем, что дед умер? Отжил старик свое! Последнее время, мать писала, дед сильно по бабушке, жене своей, тосковал. Она молодой умерла, я ее не помню. Тосковал и все твердил, быстрее бы Аннушка к себе взяла. Вот и ушел... к Аннушке! А чтобы закрыть тему по моей семье, добавлю, что я и отца родного не помню. Мать говорила, летчиком был, разбился. Пацаном был — верил, сейчас — сам понимаешь. Стандартная байка. Но я не в претензии. Ни к кому. Ни к матери, ни к отцу, если он жив и где-то с другой семьей обретается, ни даже к Алке! У каждого своя жизнь, своя судьба! А винить кого-то, упрекать, разбираться — это не для меня! Еще вопросы, касающиеся личной жизни, будут? Спрашивай, командир, пока отвечаю. Закроюсь — слова не вытянешь!

— Спрошу, Сань! А с медсестрой из медсанбата у тебя серьезно или по-походному?

— Это с какой, не подскажешь?

— Ну чего ты дурачка ломаешь? Ведь знаешь, что моя тоже в медсанбате служит!

— Ну, бабы! Ничего мимо не пропустят! Про языки вообще молчу. У меня в Венгрии роман с одной мадьяркой был. Представляешь, солидная женщина, старше меня на десять лет, жила в соседнем городе, одна в собственном доме. Позна-

комились случайно, на вождении учебном «Урал» возле ее хаты встал. Закипел. Я в дом за водой. Слово за слово, договорились вечером встретиться. У нее. Встретились. Потом еще. Короче, стал нырять к ней. И хорошо мне с Мартой было, Серега. А главное, никто из наших об этой связи не знал. Где городок военный, а где соседний город? И что ты думаешь? Тайное стало явным. Меня на полигон отправили, а Марту предупредить не успел. Так она сама в часть явилась и у КПП прямо на особиста и нарвалась. Спрашивает, как ей меня увидеть. Особист, не будь дурак, в раскрутку мадьярку. Та и раскололась по полной. Это утром было, а вечером уже весь городок о моих приключениях знал, включая благоверную. Но с Аллой ладно. Мы уже тогда практически не жили семьей. Терпели друг друга, не более. Но как быстро слух по гарнизону разнесся! Ведь с Мартой базарил только особист. Но особист рассказывал о моих делах командиру части, тот своей жене... дальше, думаю, продолжать нет смысла? Пришлось расстаться с дамой. Да все одно у нас с ней не было будущего, только настоящее, и то резко оборванное. Я сразу стал морально неустойчив. Может, и откомандировали бы в Союз, но комдив дело замаял. А потом я рапорт в Афган подал. Рапорт удовлетворили, только вместо Афганистана прямиком отправили из Ташкента в наш солнечный Кара-Тепе. Такой вот расклад, Серега!

Капитан, выслушав монолог заместителя, заметил:

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Ты все о медсестре?

— Да, о сержанте Ирине Люблиной.

— И какой ждешь ответ? Люблю ли я ее? Нет! Симпатия есть, любви нет. Да этой любви у меня ни к кому, кроме матери, не осталось. Сплю с Люблиной? Это, извини, не твое дело! Что будет дальше, не знаю! И не хочу знать! Пусть все идет как идет! Чем-нибудь да закончится. Или, напротив, начнется! Ну, что насчет расслабухи? Или передумал?

Ротный встал:

— Не передумал. И ты прав. Идет оно все к черту! Я вот

ВФИН

тоже десятый год в капитанах хожу! Три округа сменил. А на Украине, под Харьковом, дом свой. Иногда думаю — и чего я до сих пор в армии парюсь? Но супруга, Марина, говорит, давай до пенсии дослужим. А до нее недолго осталось. И у супруги тоже.

Поднялся и Тимохин:

— Ну да, она ж у тебя тоже капитан. А с пенсией на гражданке жить веселей будет, да, Серега?

— Конечно! Слушай, вот что! У нас Леонидов молодой?

— Молодой!

— Ему практического опыта в работе с личным составом набираться надо?

— Обязательно!

— И авторитет зарабатывать надо! Иначе какой из него командир взвода, так?

— Абсолютно верно! Тем более прапорщик холостой!

— Точно, вот он пусть и работает с личным составом, опыта набирается, авторитет зарабатывает. Короче, сегодня прапорщик Леонидов заступит ответственным по роте!

Старший лейтенант поднял указательный палец правой руки вверх:

— Очень мудрое и своевременное решение! Как говорится, молодым везде у нас дорога. Вот и флаг ему в руки, пусть шагает по этой дороге строевым, парадным шагом.

Из-за кустов, ровными подстриженными рядами окаймляющих аллеи военного городка, неожиданно появился солдат с красной повязкой на левой руке и белой надписью «помощник дежурного по батальону». В руках он держал бордового цвета журнал. Козырнул:

— Товарищ капитан, разрешите обратиться к товарищу старшему лейтенанту?

Смагин спросил:

— Чего тебе?

Рядовой указал на журнал:

— Товарищу старшему лейтенанту тута расписаться надо.

Тимохин воскликнул:

— Чего? Ты чего, боец, притащил? Книгу нарядов?

— Так точно! Начальник штаба приказал передать, что вы сегодня заступаете дежурным по батальону.

— А не пошел бы ты вместе с начальником ...

Смагин осадил заместителя:

— Ну чего ты на солдата срываешься? Он-то в чем виноват? Ему приказали, он и выполнил приказ.

Тимохин подошел к молодому парнишке:

— Ладно, извини! Дай-ка мне этот журнал.

Рядовой передал книгу нарядов офицеру.

Старший лейтенант раскрыл ее:

— Точно, дежурство по части, и сегодня. Он что, охренел, этот Гломов? Нет, ты глянь, Сергей! Сначала был внесен старший лейтенант Булыгин, потом зачеркнут, а вместо него меня вмадили.

— Ну что ты хочешь? Булыгин же сейчас не только замполит роты по ремонту бронетанковой техники, он по совместительству еще и секретарь партийного бюро батальона. А секретарю партбюро не по чину каким-то дежурным по нарядам шастать. У него дела поважней. Воспитание личного состава, нас с тобой и вот рядового в том числе!

— Да? Ну уж хрен они угадали!

Старший лейтенант достал из кармана шариковую ручку. Зачеркнул свою фамилию и выше написал — дежурным по батальону 9 июня заступает начальник штаба капитан Гломов. И расписался — старший лейтенант Тимохин. Закрыв журнал, передал его посыльному:

— Иди, боец, в штаб напрямиком к капитану Гломову и отдай ему книгу нарядов. Понял?

Солдат сжался:

— А мне ничего не будет?

— За что? Тебе приказали найти меня?

— Так точно!

— Приказали, чтобы я расписался в книге нарядов?

ВОИН

— Так точно!

— Приказали передать, что я заступаю дежурным по батальону?

— Так точно!

— Ну вот! Ты и нашел меня, и передал то, что требовалось, я расписался. А что дописал, так это тебя не касается. Ты приказ выполнил. Так что смело дуй в штаб и ничего не бойся. И вообще, подтянись, чего согнулся, словно ждешь, когда тебя ударят? Ты солдат, а это звучит гордо! И смелей шагай по жизни! Веселей! Научись уважать себя, тогда и другие будут уважать! Свободен!

Рядовой, улыбнувшись, ответил:

— Есть!

И, развернувшись, побежал в сторону штаба.

Магин, видевший, ЧТО написал его заместитель в книге нарядов, укоризненно покачал головой:

— Зря ты так с начштабом, Сань! Гломов злопамятный!

— Да знаю я его, Серега, как облупленного! В одной роте учились. Сержантом он был в соседнем взводе. И стукачом у ротного. Однажды ребята на третьем курсе выпили, Гломов их сдал. Ротный пьянку замял, ему не в кайф, чтобы начальство об этом узнало, а Гломову, или Лому, как его в училище звали, ночью «темную» устроили. Ввалили по первое число. В момент стучать перестал! И боялся, как бы на выпуске еще морду не набили! Получил погоны, диплом, предписание и первым самолетом рванул в столицу. Не решился в кабаке выпуск отметить. Возможно, правильно сделал. А сейчас, смотри! Капитан! Начальник штаба отдельного батальона! Наверняка уже в Питере, в Академии тыла и транспорта, себя видит! Чмо болотное.

— А чего он холостой? Вроде мужик видный!

— Это сейчас холостой, сука! Раньше женатым был. Девчонку хорошую, дочку преподавателя училища, соблазнил. А потом из-за какой-то шлюхи кинул вместе с ребенком. Встречал ребят в Ашхабаде, с которыми учился, они рассказали его историю. Лом же с автобата к нам перевелся. А шлюху

его местные прибили. Зарезали на какой-то блатхате. Представляю, как он взвывается, прочитав мою запись. Ну и хрен с ним. Мы-то с тобой в поселок едем? Или так и будем возле казармы отираться? Считай, час уже потеряли!

Капитан сказал заместителю:

— Знаешь что, Сань! Послушай совета. Иди-ка ты в штаб да прикрой скандал. Тем более комбат к тебе хорошо относится и на месте он сейчас. И в наряд заступи. Ничего не случится. Подумаешь, сутки в выходные отстоять. Да и ехать нам куда не надо. Как вернешься из штаба, пойдем ко мне домой. В холодильнике пузырь с четверга стоит, в автолавке прихватил. Марина обедом накормит. До развода отоспишься. И все будет нормально. Зачем тебе лишние проблемы? Да и мне тоже?

— Да? Так бы и сказал, что тебе проблемы не нужны. А они...

Слова старшего лейтенанта прервал все тот же солдат-посыльный. Запыхавшись от бега, он обратился к Тимохину:

— Товарищ старший лейтенант, вас срочно вызывает в штаб командир батальона!

Тимохин кивнул солдату, повернулся к ротному:

— Придется идти! Да это и к лучшему! Так ты дождись, пузырь мы с тобой все же сегодня уговорим.

— Ты только без глупостей, Сань!

Старший лейтенант наигранно козырнул:

— Есть, товарищ капитан!

И хлопнул посыльного по плечу:

— Ну что, военный, пойдем?

— Так точно, товарищ старший лейтенант!

— За журнал сильно досталось?

— Да не сказать, чтобы очень. Думал, хуже будет!

— Ничего. Держи хвост пистолетом. И помни — дембель, он с каждой секундой все ближе! И время не остановить. Никому и никогда! Идем, брат по оружию!

Штаб рембата находился за трехэтажными казармами тан-

ВОИН

кового полка, и Тимохину с посыльным понадобилось несколько минут, чтобы дойти до здания Управления войсковой части. На входе курил дежурный по батальону, товарищ Тимохина, командир взвода роты по ремонту бронетанковой техники лейтенант Шестаков, который носил по две маленькие звездочки на погонах уже пятый год. Это говорило о том, что службистом Шестаков был еще тем. При виде Тимохина лейтенант улыбнулся:

— Привет, Шура! Приятный сюрприз подкинул тебе наш Гломов. Лучше не придумашь!

— И чего ты скалишься? Если мне менять тебя, то я могу задержать твою персону в штабе до полуночи. И обломится, тебе, Вадик, дискотека.

— Ну, во-первых, на такую подлянку ты не способен, а во-вторых, я тоже не пацан и за службу, как знаешь, особо не держусь. Положу пистолет в сейф, ключи на стол — и до свидания. Так что никакого облома не будет.

— Да ты у нас борзый! Ну ладно, комбат у себя?

— У себя!

— Один?

— Не-а! С товарищем капитаном Гломовым!

— И как начальник штаба среагировал на мою запись в книге нарядов?

Шестаков рассмеялся:

— Этого, Шура, словами не опишешь. Но зацепил ты его хорошо. Лично я давно такого удовольствия в нарядах не получал, будучи свидетелем ознакомления Гломова с изменениями в составе наряда.

Тимохин достал сигарету. Шестаков посоветовал:

— Ты бы потом покурил! Сначала лучше отстреляться у комбата. Нетрудно догадаться, как ему подал твою выходку начальник штаба.

Старший лейтенант махнул рукой:

— Плевать! Подождут! Дай спички, мои кончились.

— Может, треху одолжить, а то, смотрю, обеднел?

— Рот прикрой! Это мой тебе совет!

— Понял! Держи!

Тимохин прикурил сигарету, сунул спички в свой карман. Лейтенант было воспротивился подобной экспроприации, но заместитель командира роты по ремонту автомобилей хлопнул друга по груди:

— Не дергайся. На треху ты себе сотню коробок купишь.

Лейтенант не обижался на Тимохина, искренне уважая этого независимого, умеющего держать себя достойно перед любым начальством и при любых обстоятельствах офицера.

— Это не я, это ты, Шура, борзый! Но хрен с ними, со спичками. Ты мне вот что скажи, будешь до конца от наряда отмазываться?

— Посмотрим!

— Если что, я на твоей стороне!

— Знаю!

Тимохин сделал пару затяжек и обернулся. В предбаннике показалась машинистка штаба Катя Назарова, довольно привлекательная женщина двадцати пяти лет. Холостячка. Каковой стала сравнительно недавно. Муженек ее бывший, прапорщик, получив распределение в ГСВГ — Группу советских войск в Германии, решил жену на Запад с собой не брать. Сумел в отпуске по семейным обстоятельствам оформить развод с Екатериной и свалить в Германию, оставив подругу жизни в богом забытом среднеазиатском гарнизоне. Как прапорщику удалось быстро повернуть брачную аферу, осталось тайной. Даже для особиста, не говоря уже о Кате, которая и стала неожиданно для всех, и в первую очередь для себя, холостой, разведенкой.

Она подошла к офицерам, поздоровалась с Тимохиным:

— Привет, Саня!

Достала сигарету, спросила:

— Кто даст прикурить даме?

Старший лейтенант чиркнул спичкой:

— Для тебя, Катя, все что угодно!

Женщина сощурила в меру подкрашенные глаза:

ВОЙН

— Да? Тогда приходи вечером в гости! Посидим, шампанского выпьем. Ну, а потом я скажу тебе, что мне угодно!

И рассмеялась:

— Ну как, Саша? Придешь?

Вперед выступил Шестаков:

— Он, Катюша, не сможет! Видишь ли, в наряд заступает, меня меняет. А вот я, как сменюсь, весь к твоим услугам. Все розы возле штаба пехоты оборву и брошу к твоим ногам.

— Дурное дело, я имею в виду оборвать цветы, нехитрое. Сложнее найти путь к сердцу дамы без подарков.

— Так можно и без цветов...

Екатерина вздохнула:

— Эх, Вадик, Вадик, ты с виду мужик ничего, а вот любовник, видимо, никудышный!

— Откуда тебе знать?

— Да видела позавчера утром, как тебя Вера Сайфулина из дома чуть ли не веником выгнала. Что, не угодил Верунчику?

Тимохин прервал перебранку дежурного офицера с машинисткой штаба:

— Давайте, воркуйте дальше без меня, а я к комбату!

Екатерина спросила:

— Так мне ждать тебя?

— Тебе же Вадим русским языком сказал, в наряд я сегодня заступаю!

— А после наряда? Я терпеливая!

— Нет! Не ждать! Не приду!

— Ну, конечно, у тебя же роман с Ирой Люблиной! Как же я забыла! И что вас, мужиков, все больше в медсанбат тянет? Ну, да ладно, иди своей дорогой и считай, пошутила я! Удачи!

— Спасибо!

Старший лейтенант прошел в торец коридора, вошел в приемную командира и начальника штаба. Без стука открыл дверь кабинета командира батальона подполковника Галаева:

— Разрешите войти, товарищ подполковник?

Александр ТАМОНИКОВ

Командир части, сидящий за своим рабочим столом, ответил встречным вопросом:

— А ты разве еще не вошел? Проходи! Присаживайся.

Старший лейтенант устроился на старом скрипучем стуле напротив начальника штаба.

Впрочем, капитан Гломов тут же поднялся:

— Не буду вам мешать! Займись более насущными делами, нежели беседой с потерявшим всякое понятие об элементарной субординации и офицерской порядочности товарищем Тимохиным.

Александр огрызнулся:

— На себя посмотри, начальник! И не тебе судить о моей порядочности!

Подполковник повысил голос:

— А ну, Тимохин, отставить балаган!

Галаев повернулся к начальнику штаба.

— Идите, Валерий Михайлович! Я разберусь с заместителем командира роты!

Уходя, Гломов бросил:

— Если это возможно по определению!

Проводив начальника штаба, комбат перевел взгляд на Тимохина:

— Что означает ваше поведение, товарищ старший лейтенант?

— А в чем, собственно, проблема, Марат Рустамович?

— Он еще спрашивает! А это что?

Комбат бросил на стол совещаний книгу нарядов.

— Не ты ли Гломова на сегодня в дежурные определил? Что за детские выходки, Саша? Ты же опытный, заслуженный, боевой офицер, а занимаешься... черт-те чем, мальчишеством каким-то!

— Ну, о том, что я боевой офицер, знаете в гарнизоне только вы один, а запись в книге — так это форма протеста против несправедливости, нарушения устава внутренней службы и дополняющих его инструкций.

ВОИН

— Вот как? Форма протеста! Чего ж тогда вообще не порвал журнал к чертовой матери?

— А зачем? Сделал так, как посчитал нужным. Вам известно, что мы с Гломовым одно училище заканчивали, более того, учились в одной роте. И я его знаю как облупленного. Каким он стукачом и чмо был, таким и остался. Неужели вы не видите, что собой представляет ваш заместитель? Надменная, самовлюбленная, эгоистичная личность! Особь, так вернее будет. Начальству готов открыто задницу лизать, лишь бы оценило. Подчиненных презирает, солдат вообще за людей не считает.

Галаев поднял руку:

— Ну, ты свои отношения с ним на всех не распространяй!

— Вам пример нужен? Пожалуйста! В прошлую среду хозяйственный взвод возвращался из столовой после обеда. На плацу встретился с Гломовым. Сержант, как положено, подал команду «Смирно! Равнение налево!». И пошел взвод строевым шагом, отдавая честь начальнику штаба. Нормально шел, сам видел, но Гломов, видно, не в настроении был. Не понравилось капитану, как его солдаты приветствуют. Остановил взвод. Ну ладно, сделал бы замечание, назначил дополнительное строевое занятие, так нет, Гломов заставил хозвзвод в тридцатиградусную жару, на солнце, сам, кстати, находясь в тени, маршировать по плацу. Туда-сюда! И материл на чем свет стоит солдат, так и не научившихся, по его мнению, отдавать строем честь начальнику. Это как оценить?

Командир батальона спросил:

— И ты, конечно, не преминул вмешаться, да?

— Естественно! Потому что солдат не раб. Он такой же человек, как и все в части, независимо от должности и званий. И относиться к солдату надо как к человеку, а не как к бестолковой скотине. Попробовал бы Гломов в училище так с курсантами поступить. Там в момент такому командиру жало сверну-

ли бы. А здесь можно творить, что хочешь? Не должно быть так!

Комбат что-то записал в настольном календаре и сказал:

— С этим случаем я разберусь. Ты мне насчет протеста против назначения в наряд ситуацию разъясни. А то получается, что мы, составляя график дежурств, скоро вынуждены будем чуть ли не спрашивать каждого, а сможет ли он тогда-то заступить в наряд или предпочтет другое время? Так, что ли?

— Не надо утрировать, Марат Рустамович. Если начальник штаба со своим помощником не в состоянии обеспечить составление графика нарядов, который исполнялся бы без сбоев, то грош им цена обоим. Конечно, во время службы всякое может произойти. Заболел кто-то, естественно, требуется замена. Но кто против этого? Никто. А что с сегодняшним случаем? Почему я так отреагировал на решение Гломова?

Подполковник проговорил:

— Вот это как раз я и хочу понять!

— Объясняю! По графику сегодня, в субботу 9 июня, дежурным по части должен был заступить старший лейтенант Булыгин. И первоначально его фамилию занесли в книгу. Но потом Гломов освободил Булыгина и поставил вместо него меня. Спрашивается, почему? Что, замполит роты по ремонту бронетехники внезапно заболел? Или у него что-то в семье произошло? Если так, то никаких вопросов. Но, оказывается, Гломов освободил Булыгина потому, что тому в понедельник, заметьте, не завтра, в воскресенье, а в понедельник, предстоит ехать на партактив дивизии. А до понедельника к этому активу подготовиться надо. Как же, ведь Игорек Булыгин, которого еще полгода назад, если не забыли, на полигоне дембеля пьяные по танковой директрисе, как пацана, гоняли, стал у нас партийным «бугром», целым секретарем партбюро батальона. Упал на майорскую должность с подачи замполита части майора Василенко, который, в свою очередь, в парткомиссию дивизии целые тома о состоянии дел в батальоне каждую неделю сбрасывает. И все до мелочи расписывает. Кто, что, где, сколь-

ВОЙН

ко и с кем выпил, кто, когда, с кем и чуть ли не как переспал. Или, скажете, вам это неизвестно? Известно. Потому и трясут батальон разные комиссии, что политруки наши стремятся резво по карьерной лестнице как можно выше взлететь. Они — в почете, командный состав в дерьме! Нормально?

Командир батальона прервал возмущенный монолог заместителя командира роты:

— Так! Ты оставь свое мнение о политорганах при себе. Мы сейчас разбираемся с твоими выкрутасами. Тем более обсуждать действия вышестоящего начальства тебе не положено.

— Мне другое положено! Молчать в тряпочку! Только не будет этого. Но вернемся к наряду. С какой такой радости я должен заступить в наряд вместо здравствующего и цветущего Булыгина? Да плевать я хотел на его активы и пассивы. Ровно как и на необоснованные решения Гломова. И мне по барабану, как на это будет реагировать начальник штаба!

Комбат спросил:

— Мои решения и приказы тебе тоже по барабану?

— Ваши — нет!

— Тогда я приказываю тебе сегодня заступить в наряд дежурным по батальону!

— За-ме-ча-тель-но! И чего тогда столько времени на пустую болтовню тратили? Вздрючили бы меня за книгу нарядов перед начальником штаба, а еще лучше и в присутствии замполита с секретарем партбюро, объявили выговор и отдали бы свой приказ.

— Ну, это мне решать, что делать. Приказ ясен?

— Так точно! Есть заступить в наряд! Разрешите идти?

— Погоди! Это еще не все!

— А! Выговор еще не объявили?

— Прекрати, Тимохин! И успокойся. Водички вон лучше выпей. Из холодильника. Остынь!

— Спасибо, обойдусь! Остыл уже!

— Тогда перейдем к другой теме. В четверг, 14 числа, тебе предстоит убыть в очередную командировку!

— Вот как? Что ж, командировка, значит, командировка, все не здесь хреном груши околачивать!

Подполковник присел на место, где ранее восседал начальник штаба, внимательно посмотрел на старшего лейтенанта:

— Я в курсе, куда и зачем ты отправишься. И хотел бы узнать, если, конечно, ты вправе ответить: тяжело там, «за речкой», приходится?

Старший лейтенант пожал плечами:

— По-разному. Все зависит от того, какую определяют задачу! Иногда выход проходит легко, без проблем, иногда... иногда бывает хреново. Но пока еще, — Тимохин постучал костяшками пальцев по столу, — обходилось без потерь. Что будет дальше, никто не знает. Как и то, какую задачу предстоит решать на этот раз!

— Да! И никто, кроме меня, не имеет ни малейшего понятия, что ты, официально числясь в штате батальона, фактически уже второй год воюешь в Афганистане.

Тимохин спокойно ответил:

— Ну, во-первых, воюю — громко сказано. Все же командировки — это не постоянное нахождение «за речкой». Вторых, зачем кому-то об этом знать?

— Просто несправедливо получается.

— Да ладно, ерунда это все! Я же добровольно согласился войти в спецгруппу. Никто не принуждал. И не жалею об этом. В Афгане, на выходе, особенно когда находишься в режиме вынужденного ожидания активных действий, многое переосмысливаешь. Отсюда, наверное, и такое агрессивное неприятие бесполезной, показушной деятельности некоторых армейских чинов, представляющих эту деятельность как нечто значимое, без чего армия существовать не может! «За речкой», Марат Рустамович, все по-другому. Все! По крайней мере в нашей группе. Возможно, из-за того, что нас посылают на конкретные задания с конкретно определенной целью. Простых прогулок по горам и ущельям не бывает!

Подполковник выложил на стол пачку сигарет и зажигалку:

ВОИН

— Кури, если хочешь!

Старший лейтенант закурил. К нему присоединился и комбат, выставив из шкафа пепельницу.

После непродолжительной паузы он протянул:

— Да-да! И сколько еще таких, как ты, наши генералы будут использовать втемную? В секретном режиме?

— Это вопрос к ним, к генералам. Но думаю, что еще долго. Впрочем, это не наше дело.

— Ты прав! Значит, в четверг ты убываешь в командировку, а в понедельник по приказу генерала Максимова я должен отправить в штаб соединения представление о назначении тебя на должность старшего инженера технической части с присвоением очередного воинского звания.

Старший лейтенант удивленно взглянул на комбата:

— Ну и разговор у нас получается. Начали за упокой, заканчиваем во здравие. Это что же, я теперь инженерить буду?

— Ты имеешь что-нибудь против?

— А как же насчет новой должности и звания по линии политорганов? У меня, если не ошибаюсь, два простых выговора и один с занесением в учетную карточку?! Замполит точно взбукнет! Ему и Булыгин подпоет! В момент к начальнику политотдела бумага улетит!

— Тебя это волнует?

— Да нет! Радует! Представляю их рожи, когда они узнают о моем повышении. А Гломов, так он вообще как бы от злости с катушек не слетел! Хм, что ни говори, а сюрприз вы мне отменный преподнесли.

— Надеюсь, после этого ты перестанешь открыто бузить?

Старший лейтенант погладил подбородок:

— Если честно, то вряд ли. При условии, что Гломов не изменится. А он не изменится. Да и я другим не стану, если, конечно, вернусь из командировки. Не приучен я играть, Марат Рустамович. Какой есть, такой есть, таким и буду, пока жив! Меня уже не переделать!

Подполковник поднялся:

— Жениться тебе надо, Саня! Семей нормальной обзаводиться. Тогда угомонишься. По себе знаю! Таким же борзым в молодости холостяцкой был. Офицером на «губе» больше просидел, чем курсантом в училище. А женился — новая жизнь началась. Слышал, у тебя близкие отношения с сержантом из медсанбата, Ириной Люблиной? Нормальная деваха. Одобряю. Так что вперед!

Тимохин вздохнул:

— И все у нас в гарнизоне про всех знают! Не городок, а общежитие с подселением. Только женат я еще, товарищ подполковник. Или забыли?

— Ах, черт! Точно! Тебе ж квартира поэтому выделена! Совсем закружился тут с вами. Но ты ж, по-моему, разводиться собирался? Или передумал?

— Собирался и собираюсь. Второй год! Но это не важно. Развод оформить не проблема, вопрос — смогу ли жить с Ириной?! И вот на него у меня, Марат Рустамович, окончательного ответа нет.

— Постой! Ты ж с ней вроде давно встречаешься?

— И что? Встречался я не только с ней. Это в последнее время у меня кроме нее никого нет. А вдруг появится?

— Кто?

— Та, ради которой я буду готов жизнь отдать. Тогда что? В общем, прошу, не задевайте мою личную жизнь. И не пытайтесь в ней разобраться. Я сам не могу в себе разобраться, куда уж другим?

— Сложный ты человек, Саша, не по годам сложный! Тебе двадцать пять?

— Да!

— Вот! Всего двадцать пять. А пережитое на все сорок потянет!

— Ну и черт с ним! На этот раз разрешите идти?

— На этот раз иди! И пока о ближайших изменениях в службе не распространяйся. О командировке тоже!

— Учту!

Тимохин, наконец, покинул кабинет командира части. Но

ВОЙН

не штаб, где в дежурке его ждал Шестаков. Лейтенант спросил:

— Ну как, Саня? Видно, по-серьезному тебя дрючил комбат, долго заседали. Чем все закончилось?

— Ничем. Готовься к смене и развод строй вовремя. Подготовленный, чтобы вовремя смениться.

— Так ты заступаешь в наряд?

— Заступаю!

Шестаков вздохнул:

— Разочаровал ты меня! Думал, до конца пойдешь!

— Думал и передумал.

— Вот теперь урод Гломов доволен будет. Самого Тимохина обломал.

— Запомни, Вадик, кишка тонка у начальника штаба обломать старшего лейтенанта Тимохина. Это же и другим передай, кто рот откроет.

— Да кому у нас рот-то против начальства открывать? Кроме нас с тобой.

— Тем лучше. А в наряд я заступаю исключительно потому, что такое решение принял комбат, которого я уважаю. Не начальник штаба, а комбат, запомнил?

— Да мне-то чего запоминать? Я-то тебя понимаю.

Тимохин достал сигареты. Протянул пачку дежурному по части. Шестаков кивнул на выход:

— Пойдем в курилку, а то выйдет Галаев, шуму не обещаться.

Офицеры прошли в место для курения.

Затянувшись, Тимохин спросил:

— Катерина слиняла?

Шестаков кивнул:

— Давно! Как ты к комбату направился. Кстати, вместе с Гломовым в городок отправилась.

— Ну и что?

— Да нет, ничего! А чего ты ее кинул? Ведь открыто клеится баба! Только отношениями с Ириной мозги мне не забывай. Знаю я про вашу любовь.

Старший лейтенант усмехнулся:

— Что ты о нас с Люблиной знать можешь, Вадик? Если я ни хрена не разберусь в наших отношениях? Да и не хочу разбираться. По мне, шло бы все как идет!

— Вот только Ирку это вряд ли устроит. Она-то наверняка желает большего.

— В этом и проблема. Сам-то так и не смог подбить клинья к машинистке?

— Не знаю! Попробую сегодня на дискотеке охмурить ее, а там как получится.

— Если не нажрешься до танцев.

Шестаков тяжело вздохнул:

— Если не нажрусь.

Лейтенант слыл в гарнизоне отчаянным гулякой, преданным почитателем Бахуса и влюбчивой натурой, за что многие называли его гусаром. Женщины принимали его, но те, кто сами не прочь были погулять. Начальство же просто махнуло на Вадима рукой. Воспитывай, не воспитывай — толку никакого. Попробовали уволить, оформили все чин чином через суд чести младших офицеров, но документы завернули в штабе округа, объявив лейтенанту предупреждение о неполном служебном соответствии, что вызвало смех среди офицеров батальона, потому как это предупреждение было у Шестакова третьим по счету. Ходили слухи, что замполит с начальником штаба готовят очередной суд чести, но это совершенно не волновало лейтенанта. Хотя в принципе Шестаков был неплохим парнем. Да, гуляка, любитель выпить и приласкаться к женщине, но не подлец. Человек, на которого в серьезном деле или опасной ситуации всегда можно было положиться. К тому же взвод держал. И не на страхе, а на уважении подчиненных. Он не панибратствовал с солдатами, нередко был резок. Но всегда справедлив. А это качество больше всего ценили солдаты в своих командирах. Поэтому, несмотря на то что в батальоне да и во всем гарнизоне считался раздолбаем, взвод его из года в год все проверки сдавал только на «отлично». И у него в подразделении не то чтобы «дедовщины», а даже намек на неуставные

ВОИН

взаимоотношения не было. Умел лейтенант работать с людьми. И если бы не своевольный, бунтарский характер, то сделал бы вполне приличную карьеру. Но Вадим, безусловно командуя взводом, совершенно безразлично относился к карьере. Он единственный в гарнизоне мог умудриться в один день получить именные часы из рук главкома сухопутных войск за отлично выполненную учебную задачу и пять суток ареста от комдива за употребление спиртных напитков в служебное время. Станным был Шестаков. Такие в Афгане героями становились или подрывали себя гранатами, предпочитая смерть позорному плену. Но то в Афгане. Куда Шестакова не пускали, невзирая на десятки написанных им рапортов о переводе «за речку». Политорганы считали, что недостойн лейтенант высокого звания воина-интернационалиста. Идиотизм полнейший, но так было. Впрочем, Шестаков в отместку тоже немало потрепал нервов и замполиту, и новоявленному секретарю партбюро. Последнему вообще на полигоне морду набил, когда тот еще не пробился на партийную должность. Булыгин настроил жалобу, да толку? Свидетелей мордобоя не оказалось, хотя не менее десятка солдат видели, как Шестаков отоварил своего начальника. Но ни один из бойцов при служебном расследовании не подтвердил этого очевидного факта. Пришлось прикрывать дело. Лейтенант же доказал всем, что значит уважение солдатами своего командира.

Шестаков повторил:

— Ты прав, Саня, если не нажрюсь. Ведь в общагу при-
дешь, а там Гоша, начальник столовой пехотного полка. У Го-
ши наверняка литруха припасена, тем более на сегодня, когда
вечер отдыха назначен. Как не выпить? А я понемногу не могу.
Врежешь лобастый — мало, заглотишь второй — мало, а по-
сле третьего врубаешься — много. И ничего с собой поделать
не могу!

Старший лейтенант предложил:

— А ты после наряда не ходи в общагу.

Лейтенант удивился:

— Куда ж мне идти? Прямоком к Катьке Назаровой? Не